

DATA

Семен Грила

Дата

*«Говорят, я в качестве подарка жене
на годовщину нашей свадьбы отвел ее на матч резервного
состава “Рочдейла”.*

Это неправда. Это было в ее день рождения.

Что я, псих – жениться по ходу сезона?!»

Билл Шенкли, тренер

*«Я так занят, что был вынужден перенести дату
своей смерти».*

Бертран Рассел, математик

Годы идут

Цифры отмечают наши достижения. Они множатся вместе с годами на свете и вселяют в нас сначала оптимизм и надежду, а потом сожаление и уныние. Тем не менее день рождения принято отмечать, особенно у других.

Злорадный дух витает где-то за улыбками и теплыми словами. Именинник вглядывается, ищет подвох, поздравители маскируются

за стандартом. Не только злорадство, но и горечь сожаления и сочувствие.

А основа этих чувств – цифры. Это вредное изобретение человечества. Так же, как и само время. Зачем знать, сколько прошло? Для чего? Тешить эго. А затем угнетать его, это самое эго? Ни логики, ни смысла.

Праздновать надо обязательно

Несмотря на все подобные соображения, витающие в его голове многие годы, Трусов, как обычно, заказал ресторан и разослал приглашения.

60 лет. 60 гостей. Тупо и бессмысленно. Ну а что, всё как у всех. Чтобы не говорили, что зажал, не отметил, пожалел денег или еще чего похуже – загордился.

Общественное мнение – нелепое творение социума. Саморегулирование, самоторможение, самоуправство. Делай как все – и всё. Он, Трусов, всегда так и делал. Сначала – как учили партия и комсомол, а потом просто государство стало учить. Напрямую. Что лучше, он не знал, да и не хотел знать.

Род его занятий не предполагал особой вовлеченности в процесс, он был депутатом регионального масштаба, а значит, все было для него predetermined and predesigned. А может быть, даже и исполнено. Отсюда вытекал и состав гостей. С прошлой работы, с нынешней, друзья и товарищи по институту, попутчики и просто случайные, но нужные люди.

Тамадой взялся быть его старый товарищ, ныне заседающий с ним в представительном органе власти. Город не большой, но и не маленький. Все друг друга знают. Вот и теперь пришлось долго соображать, кого звать, а кого нет. Но большого труда это не составило, если не считать потраченного времени.

Списком Трусов остался доволен. Мэр обещал заглянуть. Ну, это было сказано для проформы, но грамоту подписал от города почетную. Юбилей как никак. И на том спасибо.

Дым коромыслом

Праздник шел уже часа три. Гости пришли в первый час от назначенного времени и разминались в буфете. Подарки вручали, юбиляр складывал их на отдельно стоящий стол. Дальше одни гости уступали место другим, и так как-то незаметно все втянулись. Дело для большинства было вполне привычное.

Трусов держался бодро, возможно, благодаря изрядной дозе валерьянки или просто был молодец. В голове было пусто, и это очень помогало. Он как-то со стороны смотрел на процесс и эмоционально совершенно не вовлекался. Даже был этим удивлен.

Пришел зам мэра по социальным вопросам и внес оживление в коллектив, сплотившийся у барной стойки. Градус разговора вырос, стало шумнее и от того радостнее. Глаза теплели по мере выпитого.

Через час Трусов позвал всех за стол. Оживление не спадало. Тамада знал свое дело, повел стол по правилам, стойко отсекал попытки отдельных товарищей увильнуть от произнесения тостов.

Деваться было некуда. Кругом был он. И потекла река банальностей и формальностей. Говорили много. Слушали мало.

В какой-то удачный – или не совсем – момент Трусов вышел из-за стола встретить опоздавших. Пришел старый, действительно приятный Трусову знакомый. Измайлов. Он был когда-то сотрудником транспортной компании, где работал тогда и Трусов.

Они обнялись. Трусов потащил его в бар. Или в буфет. Да, в сущности, какая разница – потащил и всё. Не к остальным, а в буфет, где никого сейчас не было.

Измайлов закурил и спросил:

– Ну как ты? Давно не виделись.

Трусов пожал плечами. Сам Измайлов красиво постарел, стал седым и грузным. Источающим покой и волю. Хорошо было с ним. Уютно. Трусов как-то сразу повеселел.

– Выпьем?

– А как же, обязательно выпьем.

– Виски?

– Конечно, виски.

Трусов принес бутылку. Поставил к ним поближе. Официант дал стаканы и лед.

– Так что?

– Ты про что?

– Что делаешь на самом деле?

– Живу.

– Это правильно.

– А ты?

– Терплю, – Измайлов опять закурил.

– Что?

– А все это, – Измайлов обвел глазами окружающий его космос. Так показалось Трусову.

– Ну так-то прям, может, и не надо, – испугался Трусов.

– Может, и не надо, поэтому и терплю.

– Уехать не пробовал?

– Пробовал, не помогло, вернулся.

– Понятно. А мне ничего так не мешает. Смотришь в пол – и вперед.

– А! – Измайлов засмеялся. – Давай тогда хотя бы наберемся.

– С тобой – с удовольствием, с этими всеми – не хочу, – Трусов махнул рукой в сторону зала.

– Ну так давай уйдем отсюда.

– Так нельзя.

– Почему?

– Неудобно.

– Да ты ебнулся, как я погляжу.

– Может быть, но я так не могу, давай посидим со всеми, а потом...

– Тогда я пойду, освободишься – позвони, – сказал Измайлов.

– Ну зачем ты так, – сказал Трусов.

– Как?

– Вот так.

– Так вижу.

– Ладно, иди, если хочешь, я позвоню, – сказал Трусов.

Они обнялись. Трусов пошел к столу. Стол его отсутствия и возвращения не заметил.

Измайлов ушел и оставил Трусову тоску. Вот ведь сволочь, а не человек, подумал он.

Финал праздника

Тамада не подвел. Всех заставил, всех напоил. Гости очень устали. Не все – некоторые. Остальные были веселы настолько, что требовали продолжения банкета. Все вместе решили идти в клуб танцевать. Был у них в городе такой, и не один. Выбрали лучший с точки зрения людей помоложе, тем более клуб был недалеко.

Пошли пешком. А иначе никак и быть не могло – где взять столько такси. Шли громкой толпой, распугивая прохожих.

Трусов очень хотел слиться на этом переходе. Но за ним зорко следили и все время напоминали. Дата у него круглая, поэтому помимо всего прочего надо отметить ее как следует, чтобы запомнилась навсегда. А сколько этого «навсегда», вдруг грустно подумал Трусов, и стало ему еще грустнее.

Танцы в клубе были в самом разгаре. Он на танцпол не пошел, а с еще несколькими участниками праздника свернул к стойке бара. Там он увидел Измайлова.

– Ну что, пришел? – спросил тот.

– Да, пришел, – сказал Трусов.

– Ну давай нажираться тогда, раз пришел.

– Давай, – согласился Трусов.

И они нажрались, не отходя от этой самой стойки барной.

После праздника

Все тело Трусова болело. И особенно лицо. Как ни странно, он был дома. Но так продолжалось недолго.

В дверь стучали и требовали немедленно открыть. От этого, понял Трусов, он и очнулся. Он встал и пошатываясь дошел до двери. За дверью была полиция в лице двух представителей. Они взяли Трусова и сволокли в свою машину.

– Я депутат! – неповорачивающимся языком в пересохшем горле пытался сказать он. Но либо он не смог, либо им было наплевать.

В отделении ему сказали, что прошлой ночью он вместе с еще одним неустановленным пока лицом разрисовал городскую Доску почета. Он дополнил образы лучших людей города надписями и рисунками.

Дополнил реальность, подумал Трусов, все-таки цифры играют свои шутки.

– Пока рассматривается злостное хулиганство, – сказал майор, толстый потный дядька.

Трусов с ним был знаком.

– А если найдется второй участник... Вы, кстати, знаете его? – спросил майор.

– Откуда, – пожал плечами Трусов. – У меня был день рождения.

– Наслышаны, – усмехнулся майор. – Так вот, если найдется поделщик ваш и экспертиза на экстремизм окажется положительной, то загремите надолго, – тут он сделал Трусову страшные глаза. – Сотрудничать будете?

– Как? – жалобно спросил Трусов.

– Раскаиваться и признаваться.

– Да, я раскаиваюсь, а признаваться не могу – не помню в чем, пьяный был.

– Ладно, поехали в суд.

– Зачем?

– Избирать вам меру пресечения.

– Может, обойдемся административкой?

– Не выйдет, – сказал майор. – Информация ушла в область, дело ваше теперь на контроле, тем более лозунги.

– Какие?

– Ну вы что-то про евреев писали, я сам не видел еще.

– О господи!

– Вот-вот. А может, и еще чего похуже, не хочу повторять, говорю же: не видел.

Трусов как-то окончательно сник и с тоской подумал про будущее.

Будущего не просматривалось. И тут, в бреду, наверное, пока ехали в суд, ему явился Измайлов и спросил:

– Ну что, еще не заложил меня?

– Еще нет, – согласился Трусов.

– Вот и молодец, не взял грех на душу.

– А ты что – был со мной?

– Нет, не был.

– А чего тогда?

– Но ты бы заложил меня, верно?

– А зачем ты меня бросил? – спросил Трусов.

– Я тебя домой отвел, кто же знал, что тебе продолжения захочется.

– Вот ведь ерунда какая. Нелогичная.

Теперь Трусов совсем не мог понять, был ли вообще Измайлов вчера или ему это все напридумывалось.

Мучимый этими нетривиальными мыслями, Трусов брел в сопровождении полиции по коридорам суда. Возможно, и суд этот был экзистенциальный. С похмелья разве разберешь. Абстиненция – она и не таких ломала.